

1990

ГОД ЛОШАДИ

АЛЕКСАНДРА
ГЕРАСИМОВНА ПАСТУХОВА

Качканар 2000

1990

Кружатся пары
под звуки гармонии.
Все тут смешалось:
и сказка, и быль.

Где-то промчались
снежные кони –
с ветки летит
серебристая пыль...

Сходятся стрелки
на грани полночной.
Вдруг все услышали
ржание. И вот

поступью тихую,
ровною, прочной
Новый шагает к нам –
Лошади год!

ДЕД МОРОЗ ПЕЧАЛИТСЯ

Шел под вечер Дед Мороз
с сумкою пустою.
Что же детям я принес? –
думал он с тоскою.

Гастрономы обошел,
посетил буфеты.
Ни печенья не нашел,
ни одной конфеты.

Он спросил про шоколад.
Продавец от смеха
аж откинулся назад:
Уморил! Потеха!

Что же есть тогда у вас?
Ждут меня ребята!
Банки сока "Ананас",
паста из томата.

А полезнее всего
молодой горошек.
Закупай-ка банок сто
для любимых крошек.

Дед сдержался. Комплимент
на язык просился.
Нет, такой ассортимент
Деду не годиться.

Только Дедушка ретив
и неугомонный.
Заскочил в кооператив
и комиссионный.

Там орехи. Красота!
Но... цена солидна.
Да в середке пустота –
вот ведь что обидно.

В овощной просунул нос
Дед – и шашь обратно.
Там не фрукты, а навоз,
пахнет не приятно.

Что погнило, что течет,
что-то усыхает...
Покупатель не берет! –
продавец вздыхает.

Дед едва бредет усталый,
настроение – хоть брось.
И колпак не в радость алый,
и серебряная трость.

А в домах огни сияют,
там Дениски и Наташи
Дед Мороза ожидают
и волнуются мамыши.

Как сказать им, что не ждите,
радость детства омрачить?
Вы уж дедушку простите,
чем он может одарить?

На скамейке у забора
опечаленный сидит
с головой, поникшей с горя,
сам с собою говорит:

Нет, такого мне не снилось...
Дед потер рукой глаза,
и на бороду скатилась
серебристая слеза.

СОН КООПЕРАТОРА

Жил бы Пушкин в наше время,
если б был Сергеич жив,
я его бы непременно
пригласил в наш коллектив.

Я б поэту разъяснил
все мероприятие
и на ставку утвердил
стихоплетодателя.

К черту гений и таланты,
и лиризм. Что толку в нем?
Здесь другие варианты
мы для творчества найдем.

Нам бы только этот самый,
вдохновения заряд.
Мы бы это, меж делами,
рифму взяли на подряд.

Продуктивным труд бы был,
все у нас на равных:
Пушкин думал и строчил,
я б молчал справно.

Размечтался, задремал,
сон и явь мешая.
Вижу: Пушкин прошагал,
мне glavой кивая.

А за ним и Натали
тихо так вплывает...
Кто же там еще, вдали?
Бенкендор шагает!

Ближе, ближе – ...Вдруг предстал
нашим участковым!

Мне под носом помахал
кулаком здоровым:

Ты фантазии оставь,
не тревожь поэта.
А труды свои направь,
на артель "Котлета".

Разворачивай талант
да считай излишки –
будет полный вариант
твоего умишки.

Так сказал он мне. И вдруг
словно испарился.

Я вскочил, смотрю вокруг:
экий сон приснился.

МОЯ ЗИМА

Закружила шальная метелица.
Позасыпала стежки – пути.
Вихри снежные стелются, стелются...
Твердь дороги уже не найти.
Ветер грубо толкается в спину –
невозможно порой устоять.
Убегая, я стыну и стыну,
и согреюсь ли снова, как знать.
Вся-то жизнь моя хладно – суровая
в ожиданье чего-то прошла.
От рождения доля бедовая
так рядочком со мною и шла.
Постоянными горечи были
ныло сердце, о чем-то скорбя.
Только мне-то все время твердили,
что такая счастливая я.
Воспевали одни лишь победы.
О другом было думать нельзя.
Но туда ли тебя архимеды
раскрутили, родная Земля?
А сегодня сказали: пустою
вся прожитая мной была жизнь.
Я стояла за бедной чертою.
Что жива, уж за это молись.
Но молиться меня не учили.
Среди лозунгов красных кликуш
нам казалось, мы счастливы были,
поколение обманутых душ.
Снова кружит и кружит метелица,
да стучится в закрытую дверь.
И в тепло уже больше не верится
среди тяжких невзгод и потерь.

МЕЧТАТЕЛИ

Про Канаду слышал дед.
С бабушкой держит он совет:
– Убежим от наших бед,
поглядим на белый свет.

Бабка деду отвечала:
– Там и дней то теплых мало.
Не зови меня в Канаду,
я поеду в Африку.

Теплой шубы там не надо
и бананы к завтраку.
Под банановой листвою
там не жизнь, а просто рай...

Дед подумал: – Бог с тобою,
я согласен. Поезжай!

На валюту обменяла
бабка сбережения.
Доллар в кулачке зажала,
смотрит с огорчением.
Дед бабулю провожал,
на прощание сказал:
дивиденды получу –
тоже в Африку лечу.

Вот пришли в аэропорт.
Бабушкой дед гордится.
Не куда-то на курорт,
едут за границу!

Марки лайнеров и зоны,
аверху табло горит.
Расписание угонов
тоже рядышком висит.

В кассу доллар подала:
– Дочка, мне до Африки...
Но кассир билет дала
только до Малаховки.

Снова вместе вечером
старички сидят вдвоем,
и с мечтой про белый свет
копят деньги на билет.

ПРО КАЛАЧИ

Мы знаем, народная
приказка есть:
нужда заставляет
калачики есть.

Но время внесло
коррективы в ту речь –
свои калачи
перестала я печь.

Никак не могу
приспособиться к рынку.
Давно нет жиров,
и муки ни пылинки.

Сахару нет,
не сыскать молока...
Что ж, калачи
до свиданья пока!

И соответственно
нуждам страны
я на воде
выпекаю блины;

Вместо муки,
по секрету скажу,
я макароны
в квашенку кладу.

Но не печалюсь.
Как было веками,
в доме по-прежнему
пахнет блинами.

И сердце спокойно,
с надеждою ждет:
все образуется –
дайте черед.

Трудно сейчас.
Но кричи, не кричи –
кто поднесет нам
за так калачи?

И не поможет
по прошлому плач...
Будет Россия!
И будет калач!

КОНКУРС ЧАСТУШЕК

Ох вы, бедные старушки,
затащили вас в частушки,
да и вы, дедочки,
тож попали в строчки.

Бабка тысячу вложила:
два процента – к ним барыш!
Но инфляция накрыла –
и остался в книжке шиш.

Ох, с инфляцией разор!
Приватизирую забор,
дивиденды буду брать –
бабкам доски продавать.

Дед скопил рублей немало,
да инфляция обжала:
думал, купит холодильник,
не хватило на будильник.

Чтоб ходить по магазинам
с продовольственной корзиной,
я корзину ту купила –
на продукты не хватило.

За сметаной я стояла.
Вот уж взвесили и мне.
Пока деньги отсчитала –
цена выросла вдвойне.

Продавщица улыбается,
довольное лицо:
в ценник снова добавляется
еще одно кольцо.

Продавщица суетится:
где бумаги столько взять?
На неделе раз по тридцать
надо ценники менять.

За квартиру уплатила,
посмотрела на квиток —
тут я снова ощутила,
что это такое — шок.

Ох и выросла квартплата!
Но не стану я тужить:
вот продам тебя, жилхата,
под березой стану жить.

Чтобы стресса миновать,
пережить инфляцию,
спрячусь дома под кровать,
выключу трансляцию.

Погрозился Жириновский:
завалю вас всех "Смирновской".
Но дельцы свои нашлись —
без Володи обошлись.

Труп Распутина отрыли
и в правах восстановили —
смотрят взрослые и детки
на трехглаву этикетку.

Бабкин ваучер — в "Инвесте",
дед свой продал ей назло.
А теперь гадают вместе:
кому больше повезло?

Раньше с жалобой ходили
кто в профком, а кто в партком.
Нынче это отменили,
надо ехать, знать, в ООН.

Семь годочков
нары мял и приватизировал.
Срок окончил и сказал:
место забронировал.

Не пойму я одного:
в заключение мается,
а только выпустят его —
снова возвращается.

Во саду, возле забора
я поймал с картошкой вора.
Показал мне фигу: "На!
Мне амнистия дана".

Зек свои права качает,
к милосердию взывает.
Если будет лучше там —
может, всем туда и нам?